

Юрий ХАРЛАМОВ

ДЕВОЧКА И ЦАРЬ

Юрий ХАРЛАМОВ

ДЕВОЧКА
И

ЦАРЬ

СКАЗКА

Ишим

Культурный центр П.П.Ершова
2010

электронная версия – www.ershov.ishimkultura.ru

*Автор и издатели приносят искреннюю благодарность
за помощь в выходе книги в свет
благотворителю Сергею Павловичу Козубенко.*

ББК 84

X 21 Харламов Ю.И.

Девочка и царь: Сказка / Худож. Р. Симанов. – Ишим: Культурный центр П. П. Ершова, 2010. – 44 с.: ил.

Новая сказка лауреата I Всероссийской литературной премии им. П.П. Ершова за произведения для детей и юношества рассказывает об удивительных приключениях девочки, отправившейся из Сибири в Санкт-Петербург. В основе этого произведения лежит реальная история девушки Прасковьи Луполовой, которая в сентябре 1803 г. вышла из Ишима и в августе 1804 г. достигла столицы Российской империи, где ей удалось получить аудиенцию у императора Александра I. Царь помиловал её отца, а девушка, исполняя обет, удалилась в женский монастырь. В 2004 году к 200-летию похода Прасковьи в Ишиме поставлен памятник скульптора В.М. Клыкова. А настоящее издание посвящено 200-летию со дня кончины подвижницы (4 декабря 1809 г.).

© Ю.И. Харламов, текст, 2010.

© Р.А. Симанов, иллюстрации, 2010.

© Культурный центр П.П. Ершова, 2010.

Давно-давно в небольшом сибирском городке Ишиме жила маленькая девочка по имени Паша. Когда она немного подросла, то узнала, что её отца за какую-то провинность сослали сюда, а они с мамой приехали вместе с ним по своей воле, чтобы папа тут не пропал один.

– Что ж ты такое натворил? – стала допытываться у него Паша.

Он долго отмалчивался да отнекивался, но маленькая упрямая Паша не отставала от него, пока он, наконец, не сдался.

– Однажды, когда мимо проезжал царь в карете, я не снял шляпу, – признался он.

– Разве это преступление? – удивилась Паша.

– Дело в том, – продолжал папа, – что когда меня всё-таки вынудили снять шляпу, из неё вылетел чижик.

Тут Паша не выдержала и захлопала в ладоши:

– Ах, как это забавно! Как это весело и смешно, если бы все подданные сняли перед царём шляпы, котелки и цилиндры, а из них вылетели чижик, стрижи и ласточки!

Папа виновато опустил голову.

– На моё несчастье, – сказал он, – чижик, пролетая мимо царя, свистнул, и царь страшно испугался, решив, что это покушение, и возле его уха просвистела пуля.

– Так пусть бы чижика и наказали, – вполне резонно заметила Паша. – Чтоб не свистел где не надо.

– Но чижик–то мой, и я должен отвечать за его поведение.

– А почему он вдруг оказался у тебя в шляпе? – продолжала недоумевать Паша. – Не сам же он туда залетел?

– Я купил его тебе в подарок на Рождество, – объяснил папа, – но в тот день было очень холодно, и я, чтобы он не замёрз, пока я донесу его до дома, достал его из клетки и посадил в шляпу, а шляпу надел на голову.

Тут в разговор вмешалась мама.

– Чижика пожалел, – вздохнула она, – а теперь мы сами замерзаем здесь, как чижики.

Она укутала папины ноги тёплым шерстяным платком, а сама, надев овчинный тулуп и валенки, пошла с вёдрами к обледеневшему колодцу.

Мама держалась молодцом. Паша вообще не чувствовала, что она в ссылке – ей нравился и сам городок, занесённый снегом по самые резные окошки, и её новые друзья, с которыми она зимой каталась на санках, а летом купалась в речке и собирала грибы в лесу. А вот папе сибирский климат был явно не на пользу. Последнее время он всё чаще кашлял, на улице прятал нос в воротник, а спал с кошкой Муркой в ногах, заменявшей ему грелку.

После этого разговора Паша стала часто о чём–то задумываться, а когда наступила весна, сказала однажды за утренним чаем с любимыми папиными сухариками:

– Папенька и маменька, послушайте, что я придумала. Я решила идти пешком к царю–батюшке и вымолить у него прощение папы, и чтобы нам разрешили вернуться в наш родной город.

Папа с мамой сначала расплакались, вспомнив родные края, но утешились тем, что у них растёт такая добрая заботливая дочь. Что же касается её пешего похода к царю–батюшке за три с половиной тысячи вёрст, то, конечно же, они не приняли его всерьёз. Дети часто скажут что–нибудь и тут же забудут.

На всякий случай мама всё же попугала Пашу медведями – в тайге их видимо–невидимо! – и рассказала на ночь сказку про девочку, которая пошла в лес, заблудилась и нечаянно забрела в медвежий домик:

– ...Поела она, попила и улеглась спать. А тут вернулись медведи: «Кто сидел на моём стуле? Кто ел из моей миски? Кто пил из моей чашки?» Пришлось девочке бежать от них без оглядки. Хорошо ещё – не догнали.

– Ладно, – сказала Паша, уже засыпая. – Обещаю не брать пример с этой девочки...

Как только мама, перекрестив её, ушла, Паша открыла глазки и вылезла из-под одеяла, потому что она вовсе не спала, а только притворялась, и стала собираться в путь. Она погладила платье и бант – не могла же она явиться в царский дворец непричёсанной и ненаглаженной. Застелила постель. После этого сняла висевший в изголовье её кровати образок Божьей Матери – заступницы и покровительницы во всех добрых делах. Вместо посошка взяла прутик, которым гоняла гусей на речку и, соблюдая обычай, присела на дорожку на край кровати.

Паша ни разу в жизни не послушалась родителей и не соврала им. Поэтому такой поступок, как самовольный уход из дома, был для неё, конечно же, непростым решением. Она не помнила, как шла по скрипучим половицам, как открывала дверь, а потом и калитку. Опомнилась лишь, когда оказалась уже в глубоком лесу.

Паша была очень впечатлительным ребёнком, и когда перед нею вдруг выросла, как из-под земли, избушка среди земляничной поляны, ей тут же вспомнилась мамина сказочка про девочку и медведей, и она долго не решалась войти в избушку. «Скорее всего, в ней живут охотники или сборщики кедровых орешков», – убеждала она себя. Ну, а вдруг и правда медведи? Когда, наконец, преодолев страх, она постучалась и тихонько открыла дверь, – мама родная! – такого беспорядка она в жизни не видела! Самовар не чищен, пол не метён, постели – клубком. Паша смертельно устала и хотела есть, но в доме не нашлось даже сухой корочки, а прилечь отдохнуть среди такого бедлама она ну никак не могла. Схватив тяжеленные деревянные вёдра, она сбегала к речке и принесла студёной водицы. Перемыла всю посуду, выскоблила пол, перетряхнула и застелила постели, а потом и сама умылась и, свернувшись калачиком, улеглась на одной из кроватей.

Долго ли она спала или только вздремнула, как вдруг раздался рёв, шум, топот, грохот, избушка заходила ходуном, и в неё ввалились, – так и есть! – сразу четыре медведя: два взрослых и два медвежонка.

Паша мигом скатилась с кровати и юркнула под стол в надежде, что непрошенные гости, не найдя в доме ничего съестного, уберутся восвояси. Но по тому, как они себя вели, она вскоре поняла, что это вовсе не гости, а, наоборот, хозяева этой избушки, которые вернулись с ярмарки. Они побросали на пол набитые чем-то мешки и кульки, швырнули в угол балалайку с гармошкой и тут только заметили, что в доме что-то не так.

– Это кто тут без нас хозяйничал?! – заревел басом глава семьи.
– Это кто посмел перемыть всю мою посуду? Да ещё не разбив при этом ни одной тарелки! – подхватила баритоном его жена–медведица.

– А кому пришло в голову застелить наши постельки, так уютно перекрученные жгутом!? – дискантом и фальцетом заскулили их детки – медвежатки.

«Что я натворила! – испугалась Паша. – Сейчас они заглянут под стол – и я пропала!»

Но Михаил Потапыч не стал никуда заглядывать. Он хватил своей лапищей по столешнице и прорычал:

– Этот вредитель далеко уйти не мог. Догоним его и покажем, кто в тайге хозяин!

С криками: «Догоним!», «Покажем!» – они, все четверо, толкаясь в дверях, выбежали из домика и бросились в погоню.

«Кажется, я спасена! – подумала Паша. – Выскочу и спрячусь. А когда они вернуться, пойду дальше. Благодарю Тебя, Мать Божья!» – поцеловала она висевший у неё на груди образок. От Богородицы исходил свет доброты, в глазах Её не было ни тревоги, ни предостережения. Она вроде даже как улыбнулась: мол, эх ты, трусишка, медведь невинное дитя ни за что не тронет! Её спокойствие передалось Паше. Страх сразу прошёл. Заглянув в мешки и кульки, она обнаружила там столько сладостей, пряников и бубликов, сколько за всю свою жизнь не видела. Она быстро накрыла на стол, разложив на чистеньких тарелочках все эти лакомства, и уселась дожидаться тех, кто гонялся в это время за нею по лесу.

Медведи вернулись злые, как собаки! И что же они видят? Стол накрыт, а за столом сидит незнакомая девочка и вежливо им говорит:

– Ну, мишутки, я вас заждалась! Вы аппетит, что ли, нагуливали?

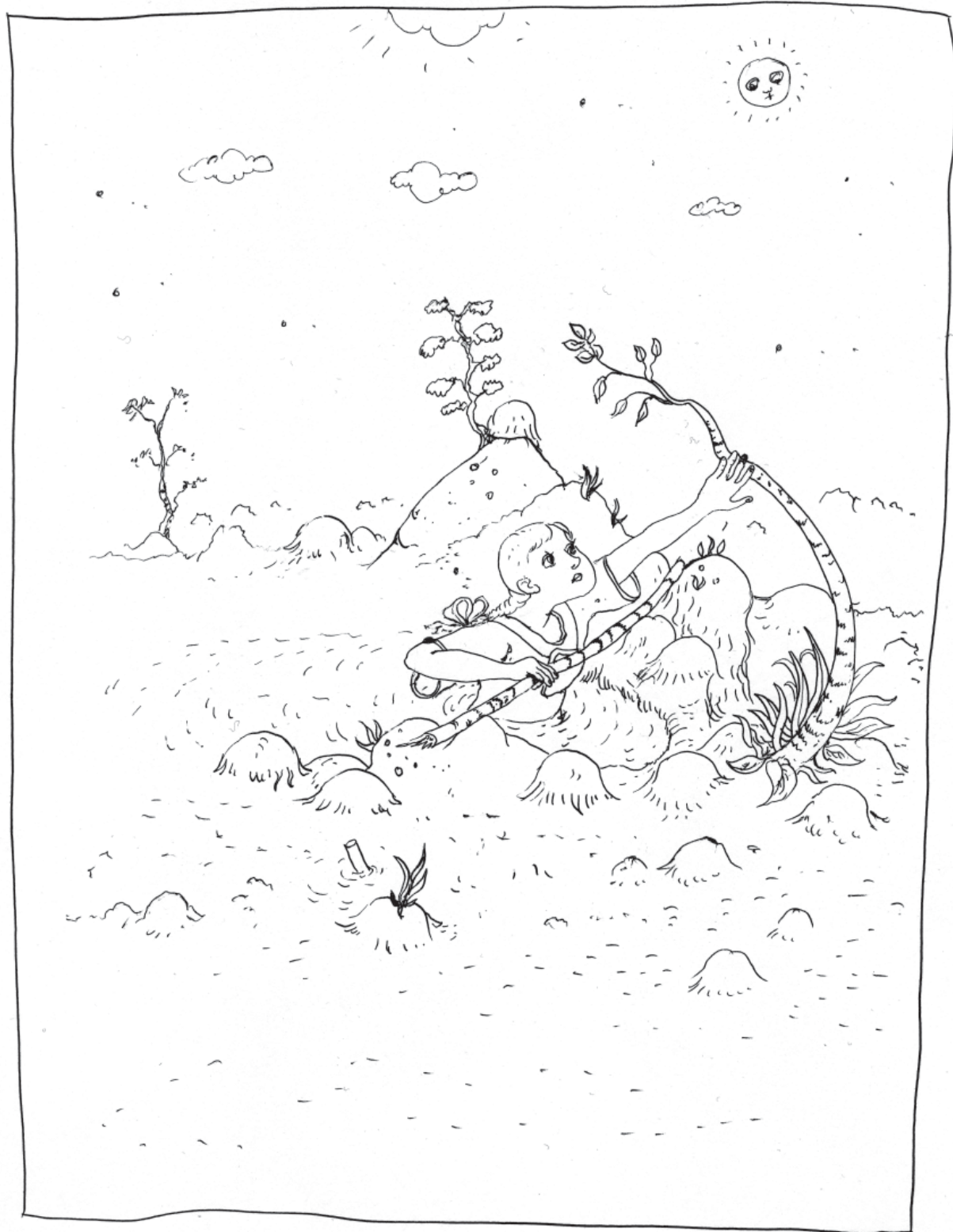
– Ты ещё кто такая и откуда здесь взялась? – взревел глава семейства.

– Оттуда же, откуда и вы – с ярмарки, – спокойно отвечала Паша. – Мне так понравилось ваше представление, вы так талантливо пели и так задорно плясали, что мне захотелось побывать у вас в гостях.

Мишки удивлённо переглянулись. Впервые в жизни они слышали в свой адрес столько хвалебных слов. До этого им было известно о себе только то, что они кому–то наступили на ухо.

– Вот я и забралась незаметно к вам в мешок, когда вы делали покупки, – продолжала на ходу сочинять Паша. – Прошу, конечно, извинить, что я к вам без приглашения, но я ненадолго.

Говоря это, она заваривала чай, разливала его по чашечкам и вежливо подавала всем по старшинству.

– Ах, как у вас чистенько, всё блестит, – приговаривала она. – Наверное, у вас есть домработница?

– Сами, всё сами! – разомлел от чая, похвал и вежливого обращения глава семьи. – Собственными вот этими лапами! Стараемся, чтоб было не хуже, чем у людей.

Как ни торопилась Паша, но вырваться из гостеприимных объятий мишек раньше следующего дня ей не удалось.

Всё это время медвежата Миша и Маша показывали ей своё искусство кувырканья, лазанья по стволам поваленных деревьев и учили Пашу реветь по-медвежьи, хотя она уверяла их, что это никогда ей не пригодится. Паша, в свою очередь, рассказывала им сказки, обучала азбуке и таблице умножения.

Медведица Матрёна Ивановна научила Пашу ловить руками рыбу. А глава семейства Михаил Потапыч, увидав, что обувь у Паши совсем износилась, надрал лыка и сплёл ей лёгонькие удобные лапотки, в которых она и пошагала дальше.

Миша и Маша долго бежали за нею, размазывая по щекам слёзы – так не хотелось им расставаться с нею. Чтобы хоть как-то утешить их, она пообещала при первой же возможности дать весточку о себе. Только после этого медвежата успокоились и вернулись домой.

Идёт Паша, торопится – где оленьими тропинками, где вообще без тропинок. Малые речки по камушкам перебегают, непроходимые болота с кочки на кочку перепрыгивает.

Вдруг слышит тоненький, как волосок, ласковый голосок:

– Ой, какая девочка! Ой, какая лапочка! А какие у нее тоненькие ручки! А какие розовые щёчки!

Оглядывается Паша по сторонам – никого нет.

А голосок опять ей в самое ухо:

– А какое аппетитное ушко! А какая лакомая шейка!

– Кто ты? Где ты? – спрашивает Паша.

– Да вот же я, на твоём курносом носике. А зовут меня комарик-сударик!

И, сказав это, незнакомец впился своим жгучим, как крапива, жалом-хоботком прямо ей в нос и стал наливать кровью.

Паша уже занесла руку, чтобы прихлопнуть наглеца, но комарик-сударик мгновенно взлетел и, кружа вокруг неё, возмущённо запел:

– Нельз-з-з-з-зя! Нельз-з-з-з-з-зя! Разве ты не знаешь: кто комара уьёт – тот свою кровь прольёт.

И зазвенел ещё звонче, собирая на пир комариный народ:

*Не зевайте, есть пожива!
Все ко мне летите живо –
Хоботки свои вонзить,
Свежей кровушки попить!*

Не успел он допеть свой призывный клич, как со всех сторон слетелась целая туча комарья, облепив Пашу с головы до ног. Как она ни отбивалась от них, они, не переставая, звенели и гудели над нею, немилосердно жаля её, даже сквозь платье. Через пять минут этого кровавого пиршества руки и ноги у Паши распухли и покрылись волдырями, а глаза превратились в щёлочки.

Не утерпела Паша, выломала хорошую берёзовую ветку и стала направо и налево хлестать ею своих мучителей.

– Зз-з-з-за что? З-з-з-за что? – возмущённо зазвенели и завопили кровопийцы. – Ведь мы такие же Божьи твари, как все, должны же мы чем-то питаться!

– Такие, да не такие! – отвечала она. – Потому что Господь при сотворении всего живого сказал вам: «А вы, кровопийцы, будьте наказанием для злых, алчных, завистливых, для паразитов, живущих плодами чужих трудов!» А вы? Что я вам плохого сделала? Иду одна по лесу, не гуляю – по делу иду, к самому царю-батюшке с челобитной. И как же я ему в таком растерзанном виде на глаза явлюсь? Спросит: «Кто это тебя так?» Что я ему отвечу? Да есть, мол, царь-батюшка, в твоём царстве-государстве такое кровожадное существо – комарик-сударик: летит – поёт, а сядет – кровушку пьёт.

– Не говори! Не говори! – испуганно зазвенело-запричитало комариное отродье. – Скажи: сама упала, споткнулась и упала... На муравейник! А они тебя искусали.

– Да мурашки – первые на земле труженики! – воскликнула Паша. – А я на них такую напраслину буду возводить?

– Ну, придумай что-нибудь, – продолжало ныть и скулить комарьё. – Клянёмся – честных людей не трогать!

– Клянётесь? Ладно, тогда не скажу, – сменила гнев на милость Паша. – Летите, ищите тех, кто по правде да по совести жить не хочет. Они и поупитанней, и кровушка у них слаще, потому что сладко питаются, а не солёная, как у нас, горемычных, слезами разбавленная.

Говорят, в то лето в тайге и вправду не было ни комаров, ни москитов. Для грибников, лесорубов, горняков – райское житьё! Зато бесчестных да бессовестных людишек, завистников да не-

нави́стников очень легко было отличить: они ходили, размахивая руками, как ветряные мельницы и выливали на себя флаконы жидкости от комаров и тараканов.

Жаль только: всего одно лето длилась эта благодать. А потом комарики–сударики нарушили клятву, и всё стало, как прежде: кровопийцы всегда между собой договорятся – они ведь все одной крови!

Какая же дорога без попутчика? Вот и он! Катится себе по тропинке, распевая песенку про самого себя:

*Я – колобок,
Румяный бок,
Я всех лесных
Дорог знаток!*

*Но даже без тропинок
Качусь я без запинок.*

*Открыл я с понедельника
Пеньков пятнадцать штук,
Три новых муравейника
И дюжину гадюк.*

*Нанёс я их на карту,
А ночью муравьи
Не заперли экватор,
И змеи уползли...*

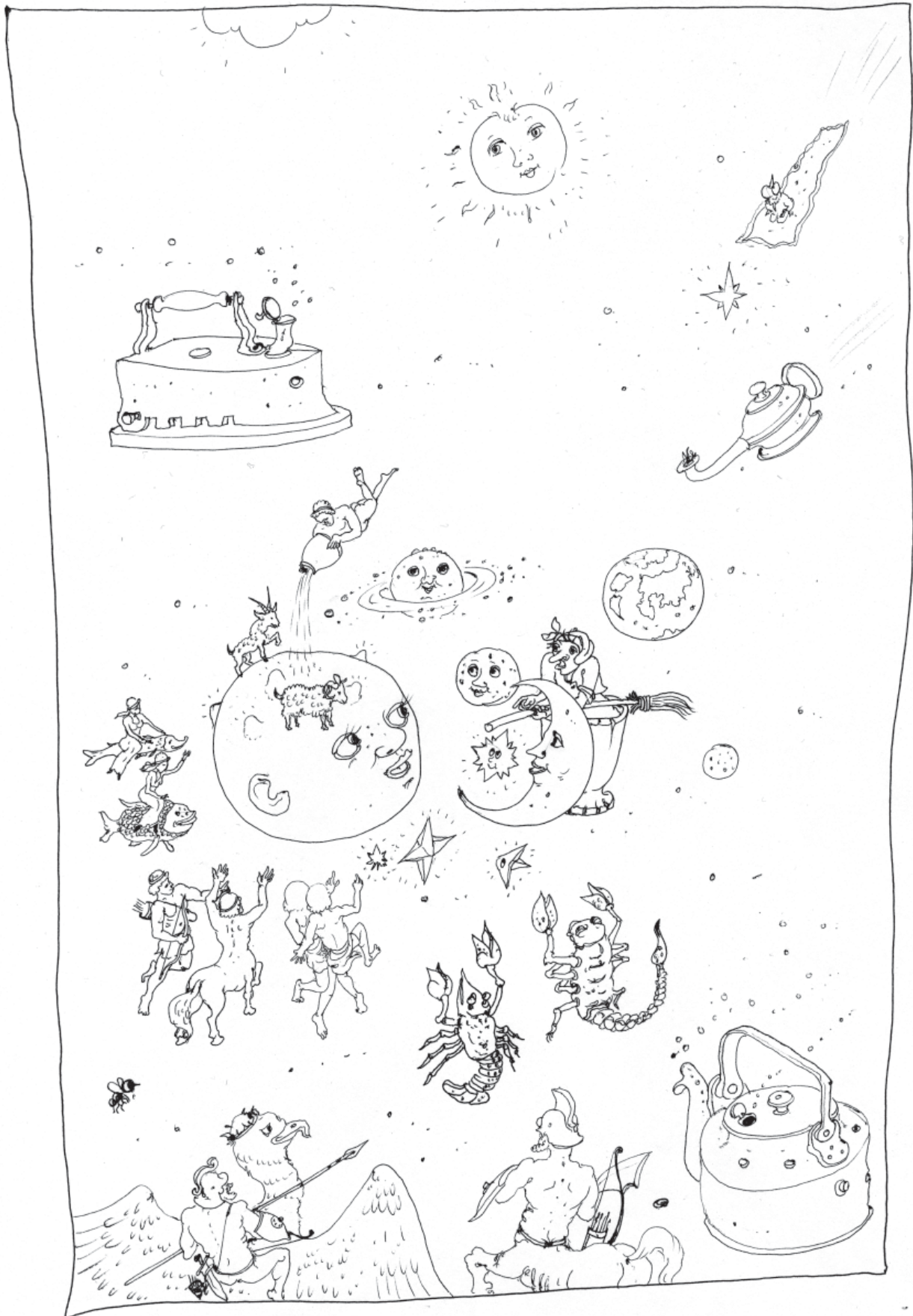
– Тебя же лисонька съела! – удивилась Паша. – А ты, оказывается, жив–здоров!

– Кто в сказку попал, того уже никто никогда не съест, – с гордостью за себя отвечал Колобок. И добавил: – Надо только правильно отвечать на всякие дурацкие вопросы.

– Какие, например? – не поняла Паша.

– Это меня один знакомый гриб научил, – хихикнул Колобок. – Если тебе скажут: «Колобок–колобок, я тебя съем», – а ты закричишь: «Ой, не надо, не надо!», – тебя тут же и схрумкают. А правильный ответ: «Пожалуйста, приятного аппетита, всю жизнь мечтал!» – и от тебя все будут шарахаться и обходить десятой дорогой – подумают, что ты ядовитый, или больной, или вообще ненормальный.

– Куда же ты катишься? – поинтересовалась Паша.

– Разве нужно катиться обязательно куда-то? Или откуда-то? – удивился Колобок.

– Но иначе ведь не бывает. Если только ты не стоишь на месте.

– А как же тогда: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»?

– Но жить только ради того, чтобы считать лбом пеньки – тоже мало радости.

– Я не только... пеньки, – обиделся Колобок. – Я ведь известный путешественник и вокругсветаплаватель. Я открыл множество стран, материков, мысов, носов и полюсов, проливов, приливов и отливов! Но все их почему-то называли любыми другими именами, только не моим. А вообще-то я прилетел на Землю из другой галактики, – совсем уж заврался Колобок. – Долго вертелся вокруг Земли, был самым маленьким её спутником. Но потом мне это надоело, и я опустился на земную поверхность. Теперь уже и не поймёшь, кто вокруг кого вертится – я вокруг Земли или Земля вокруг меня.

«Бедненький, – подумала Паша. – Как же у него всё в голове перемешалось. Немудрено: он ведь с детства был замешан. Да ещё столько времени вокруг земли кружил, это же любому голову вскружит!»

– У тебя должно быть много друзей, раз ты везде бывал, – сказала Паша.

– Ни одного! – честно признался Колобок. – Слоны очень тихоходные, куда им за мной угнаться! А антилопы, наоборот, слишком быстроногие, я не успеваю с ними даже двумя словами перебраться, как они уже исчезают из виду. А у жирафа слишком длинная шея, он просто не видит меня с высоты своего роста. Да, когда ты всё время катишься, трудно завести друга, – вздохнул Колобок. – Прямо наказание какое-то!

И Паша поняла, что он очень одинокий и несчастный, хоть и не хочет в этом признаться.

– Может, и вправду, наказание?

– А за что?

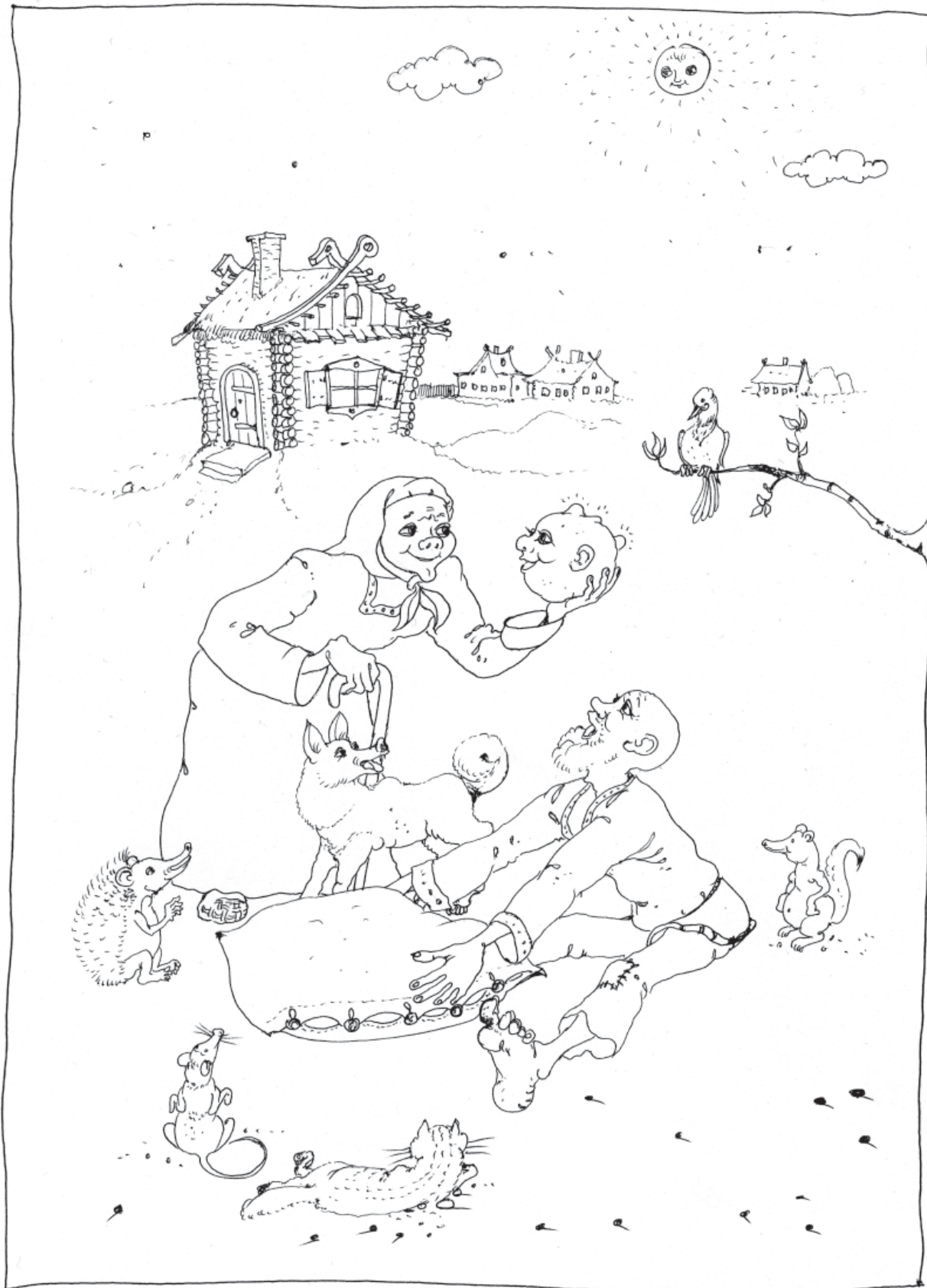
«За то, что ты и от бабушки ушёл, и от дедушки ушёл», – хотела сказать Паша, но побоялась обидеть Колобка.

– А тебя домой не тянет? – спросила она.

– Если б я знал, где мой дом и сколько до него парсеков! – ответил он.

– Или сусеков! – засмеялась Паша. – Ладно, раз тебе всё равно, куда катиться, катись за мной!

И они пошли-покатились вместе: Паша впереди, а Колобок за нею, как собачонка на верёвочке.

«Тропинка утоптанная, значит, поблизости люди живут, – размышляла Паша. – Далеко от дома этот путешественник укатиться не мог...»

Когда за берёзками показалась деревенька, Паша сказала ему:
– Постереги мой посошок, а я пойду спрошу у людей дорогу.

Она притворилась нищенкой и, чтобы узнать, что за люди здесь живут, стала стучаться в окошки и проситься переночевать. Ей подавали в форточку кто шанежку, кто горсть орешков, но в дом никто не пускал, видя, как она бедно одета, да еще вся искутана комарами.

И лишь в последней избушке ей гостеприимно распахнули дверь старенькие дедушка с бабушкой.

– Только я не одна, – предупредила Паша.

– Ничего, места всем хватит, – ответили они.

– Только мой попутчик ещё неухоженной меня, – призналась Паша.

– Не переживай, мы вам баньку истопим, – ответили они.

– А если он захочет у вас насовсем остаться?

– Пускай, лишняя пара рук в доме не помешает.

– А вдруг он без рук? И без ног?! – решив до конца испытать их, выпалила Паша.

– Ой, дед! – воскликнула старушка. – Давай скорее тележку, пойдём привезем несчастенького!

– Не утруждайтесь, – сказала Паша, – я его сама принесу.

И она бросилась за Колобком.

– Знакомый домик! – воскликнул он, увидав избушку. – И окошко нечужое! И порожек свой в доску!

А когда на крыльце появились старик со старушкой, Колобок бросился к ним и закричал:

– Родненькие мои! Какой же я был глупый, что убежал из дому!

Пока они обнимались–целовались, глядь – а Паши уж и след простыл.

В тайге никогда не знаешь, где тебя подстерегает опасность.

Хрусь, тресь, шмяк, бряк! – и Паша летит в какую–то чёрную дыру, а на неё сверху падают ветки и комья сырой земли. Придя в себя и осмотревшись, она поняла, что попала в яму–ловушку, вырытую для какого–то зверя, лося или кабана, и замаскированную сверху веточками и дёрном.

Сначала она попробовала выпрыгнуть из ямы, как рыбка из воды. Но не тут–то было – яма оказалась достаточно глубокой. Тогда она попыталась долбить ступеньки еловой шишкой, но из этого тоже ничего не вышло. Видя бесполезность своих усилий, Паша опустилась на дно ямы и расплакалась.

– Не плачь, девочка, – слышалось где-то рядом. – Я сижу здесь уже вторую неделю.

Паша уже немного привыкла к темноте и, присмотревшись, увидела рядом с собой лягушечку.

– Конечно, если бы это был кувшин со сметаной, – продолжала та, – я бы прыгала без передышки, чтобы сбить сметану в масло и выбраться на волю. Но даже в таком, казалось бы, безвыходном положении у нас остаётся ещё одна надежда.

– Это какая же? – спросила Паша.

– Стрела царевича! А когда царевич найдёт меня, и я стану царевной, я и про тебя не забуду – возьму к себе служанкой или гувернанткой.

«Вот добрая лягушечка!» – подумала Паша.

– Боюсь, не дождаться нам тут твоего царевича, – вздохнула она. – Сквозь такую чащу леса не сможет пробиться ни одна стрела. И найти тебя в этой яме сможет разве что старый слепой крот.

– И как же теперь быть? – загрустила лягушечка.

– Скачи-ка ты, глупышка, и жди своё счастье в болотце на кувшинке, – отвечала Паша. – А я уж попробую сама как-нибудь выбраться.

И она, схватив свою подругу по несчастью за ногу, выбросила её из ямы на свет Божий.

Другая бы на её месте обиделась за такое невежливое обращение, но лягушечка оказалась выше обид. Она тут же поскакала к Лесному великану, и вскоре Пашина темница осветилась – словно само солнце, сойдя с неба, заглянуло к ней. Она испуганно закрылась ладошками, а когда выглянула одним глазком из-за мизинца, увидела над собой голову оленя с сияющими, как царская корона, рогами.

Ни секунды не медля, он опустил на колени, склонил свои золотые рога, и Паша, как по ступенькам, поднялась по ним на поверхность.

– Прости меня, девочка, – сказал олень Золотые Рога. – Эта яма была приготовлена для меня. Так что считай, что это ты меня спасла, а не я тебя.

Он благодарно облизал шершавым влажным языком её лицо и руки, и она, увидав в его глазах, как в зеркальце, своё отражение, чуть не вскрикнула от неожиданности: от комариных укусов не осталось и следа, личико её стало таким же чистым, как было.

– Ты мог бы лечить людей, – сказала Паша, не переставая любоваться его ветвистыми, как могучее дерево, золотыми рогами.

– Я и лечу их, – отвечал олень. – Ведь я знаю все лесные травы, целебные источники и указываю их людям. Но с некоторых пор им стало не достаточно этого, и они устроили охоту на меня, чтобы завладеть моими золотыми рогами... А теперь скажи мне, куда ты идёшь одна, без взрослых?

– Я иду к царю–батюшке, чтобы вымолить у него прощение для отца.

– Так запрыгивай ко мне на спину, и я мигом домчу тебя! – воскликнул олень Золотые Рога.

Ах, как соблазнительно было явиться в царский дворец на олене, да ещё с золотыми рогами! И не мучиться, шагая целый год в жару и в холод, питаюсь чем Бог пошлёт.

Паша задумалась. Но ненадолго – ровно настолько, чтобы не показаться неблагодарной или невоспитанной.

– Спасибо, олешек, – сказала она. – Но я дала слово проделать весь этот путь пешком. А слово надо держать... Прощай, ты такой красивый, я всегда буду помнить тебя!

Она продолжала свой путь и вдруг услышала чью–то беззаботную весёлую песенку. Да уж не Колобок ли, путешественник и вокругсветаплаватель, снова пустился в странствие? Прислушалась – нет, песенка совсем о другом:

*Очень просто поделиться
Перцем, уксусом, горчицей,
Манной кашей, рыбьим жиром,
Даже яблочком червивым.
И совсем–совсем наоборот –
Не делится на части сладкий мёд!*

Через минуту она увидела певца. Он сидел на краю пчелиного дупла на дереве, свесив босые ножки, с куском медового сота в руках, время от времени откусывал от него и пел:

*Ах, этот мёд, он так пахуч
и так липуч!
Кто ест его, тот словно дуб
могуч!
Но всех сильнее будет тот
из нас...*

Тут он умолк, наверное, подыскивая рифму.

– Кто сладкий мёд до капельки раздаст! – подсказала ему Паша.

– Нет! – испуганно вскрикнул он, раскинув руки и закрыв своим телом дупло. – Никому не дам!

– Ты такой маленький, а уже собираешь мёд? – удивилась Паша.

– Ничего я не собираю, – отвечал сладкоежка. – Я здесь живу!

Он не врал. Как потом узнала Паша, злая мачеха велела мужу занести его в лес и бросить там в сугробе, потому что у неё было трое своих детей, которых нечем было кормить. Отец пожалел сына. Он стал ходить по лесу, стучать палкой по деревьям и слушать – гудит, не гудит? Одно дерево гудело – значит, в нём жили пчёлы. Вот им-то он и подкинул мальчишку. В дупле было темно, пчёлы приняли его за своего, только удивлялись, почему у него не растут крылышки. Весной, увидав, кто подселился в их семью, пчёлы хотели прогнать его, да пожалели: пускай уж живёт, как-нибудь прокормим.

Питался он исключительно мёдом, никакой другой пищи не признавал. Когда отец с мачехой узнали, что он жив и пришли звать его домой, он наотрез отказался, заявив: «Мне и здесь неплохо!»

Пчёлки от всей души потчевали Пашу мёдом, сразу признав в ней по бедной одежде и измождённому виду такую же труженицу, как и сами. А их приёмьш предложил Паше:

– Давай поженимся, построим домик и станем жить-поживать, медок попивать.

– А учиться ты не собираешься? – спросила Паша.

– Я и так всё знаю. Пчёлка – Божья угодница; мужик с мёдом лапоть проглотил; пчела жалит только грешников; сладок мёд, да не по две ложки в рот!

– Но ты же должен ещё отслужить в армии.

– Зачем? – удивился он.

– Как – зачем? А царя и отечество кто будет защищать?

– Моё отечество – дупло, – отвечал жених. – Пчёлки себя в обиду не дадут!

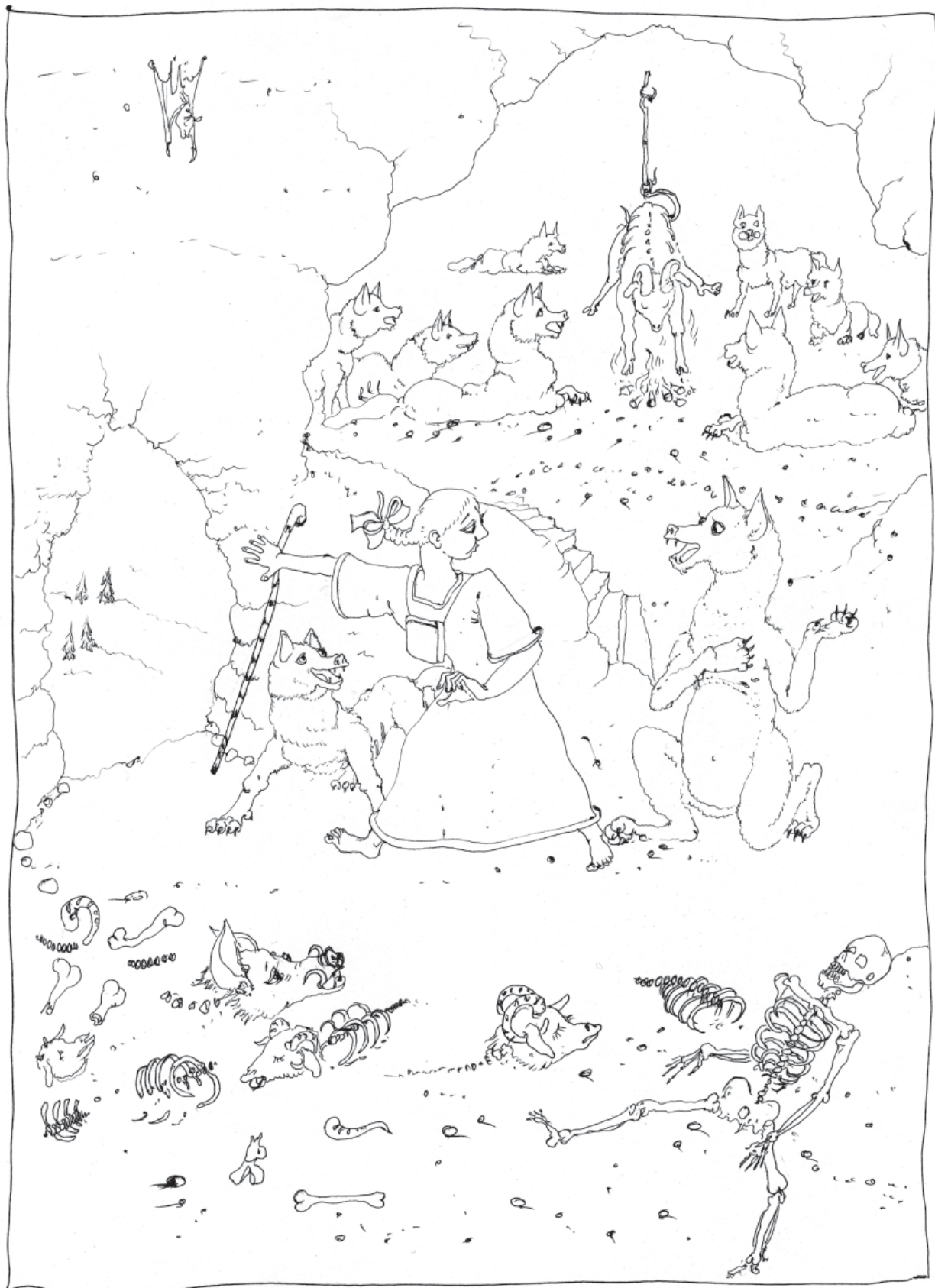
– Ну, а какая у тебя мечта в жизни?

– Вырасту – буду мёдом торговать, – ответил он. – Ни тебе забот, ни хлопот, только мёд качай, да денежки получай!

– Я думала, ты станешь русским богатырём, – засмеялась Паша, – Ильёй Муромцем или Микулой Селяниновичем. А такой жених мне не нужен, прощай!

Кончилась тайга – горы пошли. Лёгкие удобные лапотки от Михаила Потапыча давно износились. Босыми ножками, по острым камням пробирается Паша, карабкаясь по скалам. А дальше за горами – степь бескрайняя, неоглядная, пастушьи юрты, стада барашков да орлы в небе.

День на исходе, солнышко – и то притомилось, но ему есть где от земных трудов преклонить голову, а Паше ещё надо о ночлеге подумать.

Вот вроде подходящая пещера. Заглянула – кости да черепа бараньи. Страшновато ей стало. Решилась бежать, да поздно: перед нею волки, целая стая!

– О! К нам гость пожаловал! – обрадовался вожак.

– Нет-нет, я не к вам! – отчаянно замахала ручками Паша. – Не смею вас беспокоить, волчки-молодчики, я иду к...

– Знаем, знаем – к бабушке! – оскалив пасти, засмеялись волки. – А где же твоя красная шапочка и корзиночка с пирожками?

– Нет у меня ни шапочки, ни пирожков, – как можно вежливее отвечала Паша. – Я совсем из другой сказки. Да к тому же я очень-очень спешу.

– Обижаешь! – прорычал главарь стаи. – Неужели ты никогда не слышала о волчьем...

– Аппетите? – упавшим голосом прошептала Паша.

– Да нет же – гостеприимстве!

Тут же был зарезан принесенный ими барашек, задымил мангал с шашлыками. Волки усадили Пашу, как она ни сопротивлялась, на самое почётное место, и пошёл у них пир горой с песнями и плясками.

Паша сидела ни жива ни мертва, понимая, что ничего хорошего ей от серых разбойников ожидать не приходится.

– А почему это наша гостья не ест, не пьёт? – заметил один из волков.

– И не поёт, не пляшет? – добавил другой.

И они, вытащив Пашу на середину пещеры, начали толкать её, дёргать за косы и ставить ей подножки, а она лишь крепче прижимала образок к груди, умоляя Матерь Божью не оставить её.

– Что это там у тебя? – поинтересовался вожак. – Ну-ка, покажи.

– Это Богородица. Она помогает людям во всех их добрых делах.

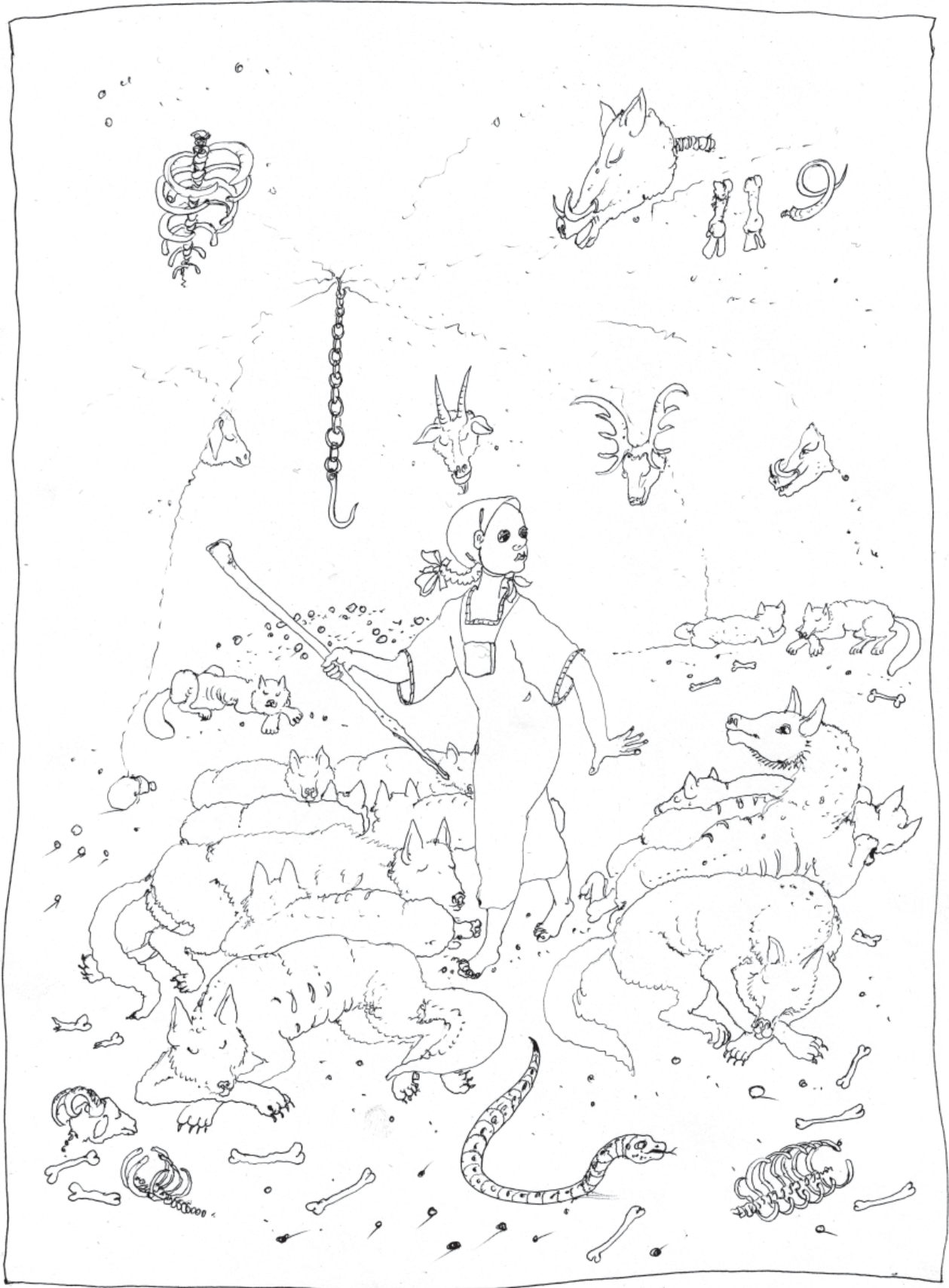
– Чем может помочь какая-то картинка на верёвочке? – усомнился вожак. – Вот мы тебе поможем. Будешь с нами жить – не тужить!

– Отпустите меня! – чуть не плача, прошептала Паша. – Зачем я вам?

– Да, в общем-то, пользы нам от тебя немного, – согласился главарь. – Барашков вместе с нами ты таскать не сможешь. И шубу с рукавицами на продажу тоже сшить не сумеешь.

– Не сумею, не сумею! – радостно закивала Паша. – Я ведь белоручка и бездельница, – стала наговаривать она на себя.

– Что ж, мы тоже от работы не падаем, – продолжал волчий вожак, обгладывая кость. – А живём припеваючи. За это нас и считают во всём мире разбойниками. А тут вдруг разнесётся слух, что маленькая девочка бросила людей и живёт вместе с волками, которые ей дороже и милее даже родных отца и матери.

– Не милее! – вскрикнула Паша. – Я ради маменьки с папенькой на всё готова, а вас я просто боюсь.

– А ты не бойся. Брось свою картинку – и сразу станешь храбрее и сильнее. Никакого Бога нет. Это вы, люди, выдумали Его и надеетесь, что Он вам поможет. Поэтому у вас такая слабая воля, мол, Господь нас не оставит. А вот нам никто не поможет, мы надеемся только на свои острые клыки, быстрые ноги и зоркий глаз. Брось, говорю, свою иконку!

– Не брошу! – твёрдо отвечала Паша. – Ни за что не брошу!

– Так-таки и ни за что? – ухмыльнулся старый волчара. – Ну, а если я тебе скажу: брось, отрекись от неё – и я тут же тебя отпущу?

– Спасай свою жизнь, деточка, – услышала она шёпот Божьей Матери.

– Нет! – отвечала Паша. – Пусть лучше разорвут меня на кусочки! Волки о чём-то посоветались.

– Ну, что ж, у тебя ещё есть время подумать до утра, – сказал вожак.

– Верно, верно, – укладываясь спать, одобрили его решение собратья. – Сегодня мы уже сыты.

Волки расположились так, чтобы Паша не смогла сделать и шагу, не наступив кому-нибудь из них на хвост, на лапу или на нос. А спали они очень чутко. Но вот, когда было уже далеко за полночь, в пещеру заглянула луна, и Паша увидела, как из бараньего черепа выползла змея. Она проследовала через всю пещеру к выходу, потревожив нескольких волков. Проснувшись и увидав, что Паша на месте, они успокоились, перевернулись на другой бок и снова захрапели. А там, где проползла змея, образовался свободный проход. И Паша бесшумно, на цыпочках, балансируя и не дыша, пошла по нему, как по канату. Лежавшая у самого выхода из пещеры старая волчица проснулась, подняла голову, и Паша в ужасе застыла на одной ноге.

Но, оказывается, и среди волков есть добрые души. Пожалев ни в чём не повинного ребёнка, пусть и не волчонка, волчица поджала хвост, освобождая Паше дорогу, и отвернулась, сделав вид, что ничего не заметила.

Утром, не обнаружив пленницы, вся стая, кроме старой волчицы, не сговариваясь, пустилась в погоню.

Услышав топот волчьих лап за спиной, Паша оглянулась и поняла: от волков ей не уйти. Вокруг безлюдная степь на многие вёрсты, ни деревца, ни кустика. А волки уже в затылок дышат, на пятки наступают.

Вдруг голос Богородицы–заступницы: «Не пугайся, Паша, сейчас ты улетишь на небо!»

«Вот и всё! – проносится в сознании Паши. – Кончились мои земные страдания. Загрызут меня серые! Жаль, не дошла до царя–батюшки. Но зато я теперь самого Боженьку увижу!»

И что же? В самом деле, какая–то неведомая сила подхватывает Пашу–путешественницу, и она чувствует, что перебирает босыми ножками уже не по земной тверди, а по воздуху. Всё выше, выше уносится она в ясное утреннее небо, потом – крутой разворот, и с высоты птичьего полёта видит она ковыльную степь и горы вдалеке, и волчью стаю с задранными кверху оскаленными мордами. «Съели меня, бедняжку, и косточек не оставили, – подумала Паша. – А я – это уже не я, а моя душенька возносится прямо на небеса».

В последний раз всплывают в памяти милые сердцу образы маменьки с папенькой – и Паша теряет сознание.

Очнувшись, видит она близко перед собой бородатое лицо, орлиные глаза и прямые широкие плечи в сверкающем на солнце оперении. «Ангел!»

– Ну, Паша, в рубашке ты родилась! – каким–то странным гор–таным голосом говорит он. – В самый последний момент подхватил я тебя, можно сказать, из зубов вырвал у этих разбойников!

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – удивляется Паша. – Сам–то ты кто?

– Молва о том, что девочка Паша идёт пешком к царю–батюшке, давно опередила тебя, – отвечает он. – А кто я? Да орёл Бородач!

И тут Паша, оглядевшись, поняла, что она не на небесах, а в орлином гнезде, а гнездо – на верхушке дерева, а дерево – на скале над самой пропастью.

– Спасибо тебе, добрая птица! – говорит Паша орлу Бородачу. – Но как же я теперь отсюда спущусь?

– Так же, как и поднялась, – отвечает он. – Отдохни пока, а я за это время кое–что раздобуду.

С этими словами орёл Бородач улетел в долину и вернулся, неся в клюве красивое, расшитое павлинами и цветами платье на плечах. А в лапах у него были сафьяновые сапожки детского размера.

– Переодевайся, – сказал он ей и, снова куда–то слетав, вернулся с лепёшкой и кувшином кумыса.

«Неужели всё это происходит со мной наяву? – не могла поверить Паша. – Ещё час назад меня чуть не загрызли волки, и вот я уже на головокружительной высоте, в платье, достойном принцессы, завтракаю с горным орлом!»

– Почему ты живёшь один? – спросила Паша. – А где твоя жена, детки?

– Эх, лучше не вспоминать об этом, – отвечал орёл Бородач. – Это очень грустная история.

– Всё равно, расскажи, – попросила она.

– Все мои предки веками жили на этой скале, – нахохлившись, заговорил орёл Бородач. – Поэтому она и называется Орлиной. Мы всегда дружили с жителями степей, охраняя их стада от волков. Но вот однажды здесь появились другие люди, с ружьями и сетями. Они убивали диких зверей и делали из них чучела. А особенно редких ловили и отправляли в зоопарки. Однажды они добрались и до нашего гнезда. Я сражался как лев! Одного сбросил со скалы, другому выбил клювом глаз. Но силы были неравными. Эти изверги связали и увезли мою жену–орлицу, а меня с перебитым крылом оставили умирать под палящим солнцем. Наши ещё не оперившиеся птенцы во время схватки были выброшены из гнезда и погибли. С тех пор прошло много лет. Пастухи вылечили меня, и я снова поднялся в небо. Но куда лететь и где искать мою подругу, я не знаю. Если ты, Паша, где-то что-то услышишь о ней, дай мне, пожалуйста, знать. Я бы тоже, как ты, пошёл пешком хоть на край света ради того, чтобы увидеть и обнять её.

Пашу до глубины души тронула судьба этого одинокого, пострадавшего от человеческой жестокости орла. Увы, кроме сострадания она ничем не могла помочь ему.

Пора было спускаться с Орлиной скалы. Паша обняла руками шею Бородача, и он, раскинув, как паруса, свои мощные тугие крылья, плавно перенёс её на землю.

И, наконец, встала на пути Паши река Берегов–Не–Видно. Ни пловцу–удальцу её не переплыть, ни птичке–синичке не перелететь. Как же ей–то с одного берега на другой перебраться?

Села она на бережку, разулась, босые ножки в прохладную текучую воду опустила, сама думушку думает.

Стали рыбки–малявки к ней подплывать, пальчики лечить–врачевать, ранки на них зацеловывать. Паше щекотно, но терпит. А тут вдруг и покрупней экземпляр явился – остроносый осетришко высунулся из воды по самые зябры, глазки маленькие, сам любопытный не по годам.

– Кто такая? – спрашивает Пашу. – Откеле и докудова изволите плыть, мамзель?

Ишь ты, даже французский знает!

– Я не плыву – я посуху иду, – отвечает Паша. – Из городка Иши–ма шагаю в стольный град Петербург к самому царю–батюшке.

При слове «Петербург» осётр даже усом не повёл, а вот Ишим – никому не известный городок уездный – вызвал у него такую бурю восторга, что он чуть не захлебнулся.

– Из самого Ишима? Будущей столицы русских сказок!?

– Столицы? – в свою очередь удивилась Паша.

– Не веришь? – закувыркался и завывпрыгивал из воды осётр. – Ну, так я сейчас дедушку Сом кликну. Он хоть на самом дне лежит, никуда не спешит, ни на каких подводных рыбьих балах не бывает, светских новостей не знает, однако ж всё наперёд видит и предвидит!.. Эй, дедушка Сом, давай сюда бегом! – закричал он, сунув башку в воду. – К нам пришла девочка из Ишима, окажи ей честь да сообщи благую весть!

Тут вода у берега забурлила, заволновалась, и собственной своей персоной, словно кит из морской пучины, вынырнул Сом, – чтоб не соврать, величиной с дом!

– Не пройдет и десяти годочков, – низким утробным голосом чревовещателя–предсказателя заговорил он, – как в вашем уездном городке на Ишим–реке родится мальчик Петя Ершов, который вырастет и напишет сказку на все века про Конька–Горбунка. Слава о нём облетит весь мир, все города и сёла на свете, и будут читать его взрослые и дети!

Он говорил так убеждённо и с такой гордостью, что Паше стало даже немножко жаль уезжать из такого знаменитого в недалёком будущем городка.

– Прославит он не только землю русскую, – продолжал сомносец, но и весь наш подводный мир, начиная с кита и кончая салакушкой и плотвой, не забыв и про своего тёзку – Ерша Ершовича.

Между тем рыбы всё прибывали и прибывали. Всем было любопытно узнать, что здесь происходит. И когда выяснилось, что девочке из Ишима, славного в скором времени городка, надо перебраться на другой берег, между рыбьим народом началась настоящая борьба за право перевезти её. Осетры бросали жребий, щуки устроили лотерею, ерши с карасями – драку. Но Паша всех успокоила, сказав, что она дала слово идти только пешком, не пользуясь никакой оказией – будь то телега, сани, лодка или рыба упряжка.

– И как же теперь быть? – спрашивают Пашины доброхоты.

– А вот как, – подумав, отвечает Паша. – Поднимитесь все, сколько вас ни есть, на поверхность, станьте бочком друг к дружке от одного берега до другого, а я перебегу по вашим спинкам, как по брёвнышкам.

Так и сделали. И никому не было обидно.

Скоро сказка сказывается, да не скоро складывается. Вон уже золочёные купола да островерхие башни града Петрова вдалеке виднеются, манят, зовут, а Паша своими окровавленными босыми ножками уже и шагу ступить не может. Лежит пластом под деревом, глядя в синь-небушко.

Вдруг сорока на сухую ветку села, застрекотала, как трещотка:
– Лежишь, прохлаждаешься! А там твой родитель уже на ладан дышит! Богу душу отдаёт!

Словно пружиной подбросило Пашу. Откуда силы взялись! Вскочила и, не чувствуя боли, не видя за слезами света белого, помчалась, понеслась, обгоняя пеших и конных.

И вот уже по славному граду Петербургу, северной Венеции русской, бежит Паша. И не поймёт, отчего это народ из домов высыпал и стоит шпалерами по обе стороны улицы и машет кому-то, и прыгает от радости. И невдомёк ей, что это ж её встречают, в честь неё гремит музыка и палят пушки.

Царь в окошко выглянул, говорит царице:
– Меня – и то никогда так не встречали!

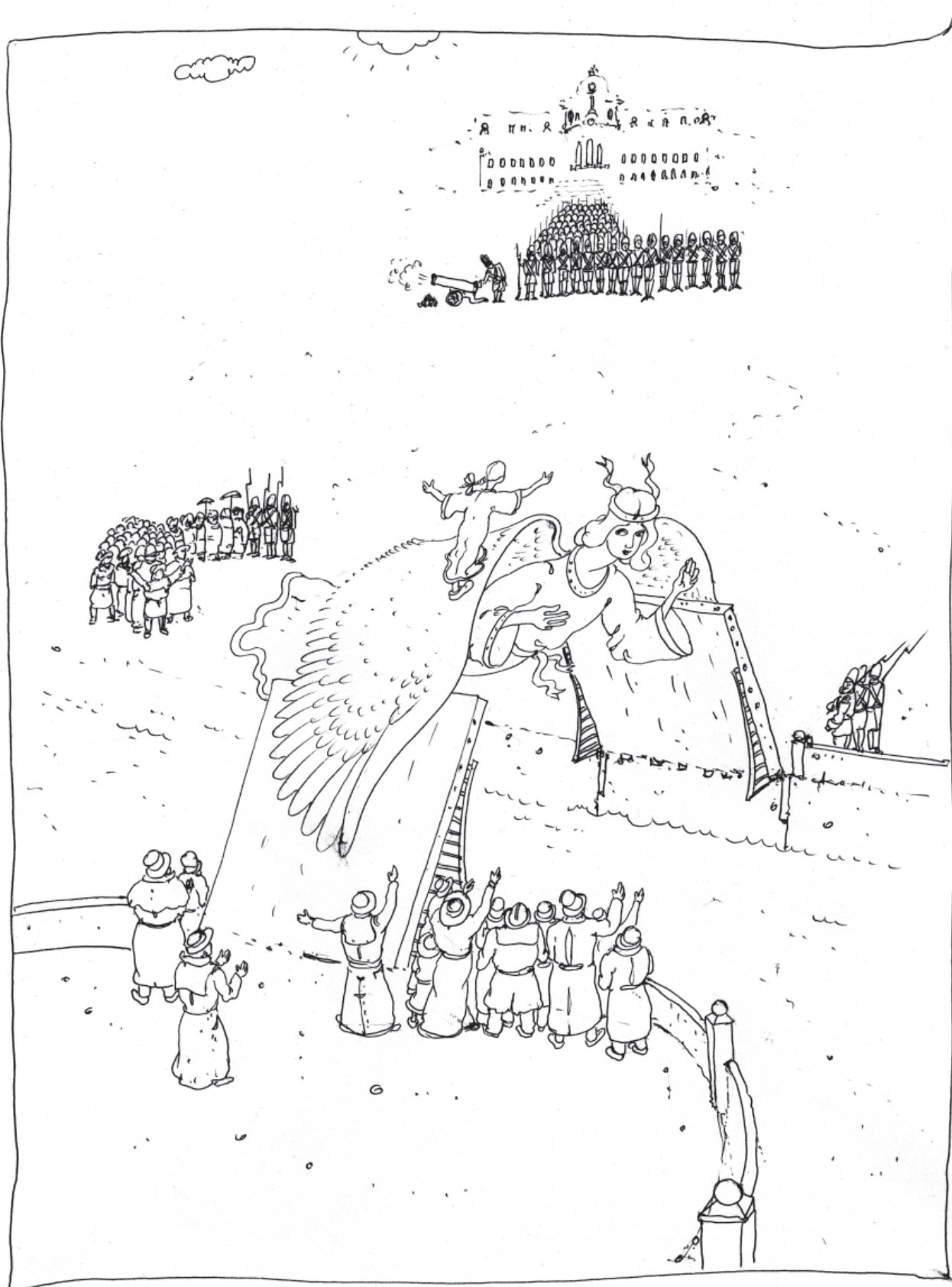
Вдруг – новое препятствие на Пашином пути. Вбежала она на мост, уже середины достигла, а он прямо на её глазах треснул пополам и начал расходиться, как при землетрясении. Кто ж не знает, что мосты в Петербурге ровно в полночь разводятся, чтоб пропустить корабли с парусами и мачтами в открытое море? Одна Паша и не знала! И вот не успевает она перепрыгнуть с одной половины моста на другую. Это ж теперь до утра ждать придётся! Умрёт за это время папенька, не получив царского прощения.

Смолкла музыка, барабанщики от горя палочки из рук выронили.

И тут, в эту минуту отчаяния, когда Паша уже готова была броситься с моста в воду, чтобы добираться вплавь, вдруг раздался взволнованный голос Божьей Матери, который услышали все, кто находился в это время на улицах:

– Да что ж ты застыл, милый? Аль оробел? Помоги ребёнку!

Весь народ разом оглянулся, не понимая, к кому обращены эти слова. Но тот, кого они касались – серебряный крылатый ангел – мигом слетел с фронтона высокого здания и ринулся вниз на помощь Паше. Он завис между двумя вздыбленными пролётами над Невой, раскинув свои ослепительно белые крылья, и Паша мигом перебежала, перепорхнула по ним на другую сторону моста. А тут уже и царский дворец рядом.

– **З**а твой беспримерный пеший переход, достойный суворовского, я исполню не одно, а целых три твоих желания! – сказал царь–государь.

Тут Паша и бухнулась ему в ноги:

– Прости, царь–батюшка, оплошность моего отца с этим неразумным чижигом! – залилась она горячими слезами. – И разреши нам вернуться в наш родной город.

Царь сошёл с трона, собственноручно поднял Пашу с навощённого паркетного пола и сказал:

– Первое желание исполняется!

И тут же курьерская карета, запряжённая шестеркой самых быстрых вороных лошадок из царских конюшен, помчалась в Ишим за родителями Паши.

– Второе желание?

– Проси золота, серебра, бриллиантов, – зашептали придворные Паше с двух сторон, в оба уха.

Но Паша, вспомнив своих косолапых друзей, которым она обещала при первой же возможности дать весточку о себе, улыбнулась и сказала:

– Вели, царь–батюшка, послать букварь с картинками по адресу: Земляничная поляна в Тобольской губернии, медвежатам Мише и Маше.

И тут же почтовая карета, доверху гружёная детскими книжками, переваливаясь на ухабах, понеслась по указанному адресу.

Все вокруг изумлённо переглянулись и лишь пожали плечами.

– Третье желание? – спрашивает царь.

Приближённые снова стали ей подсказывать, что надо просить, а Паша, оглянувшись и увидав среди сановников человека с чёрной повязкой на глазу, спросила:

– Кто это?

– Главный смотритель царского зоопарка, – ответили ей.

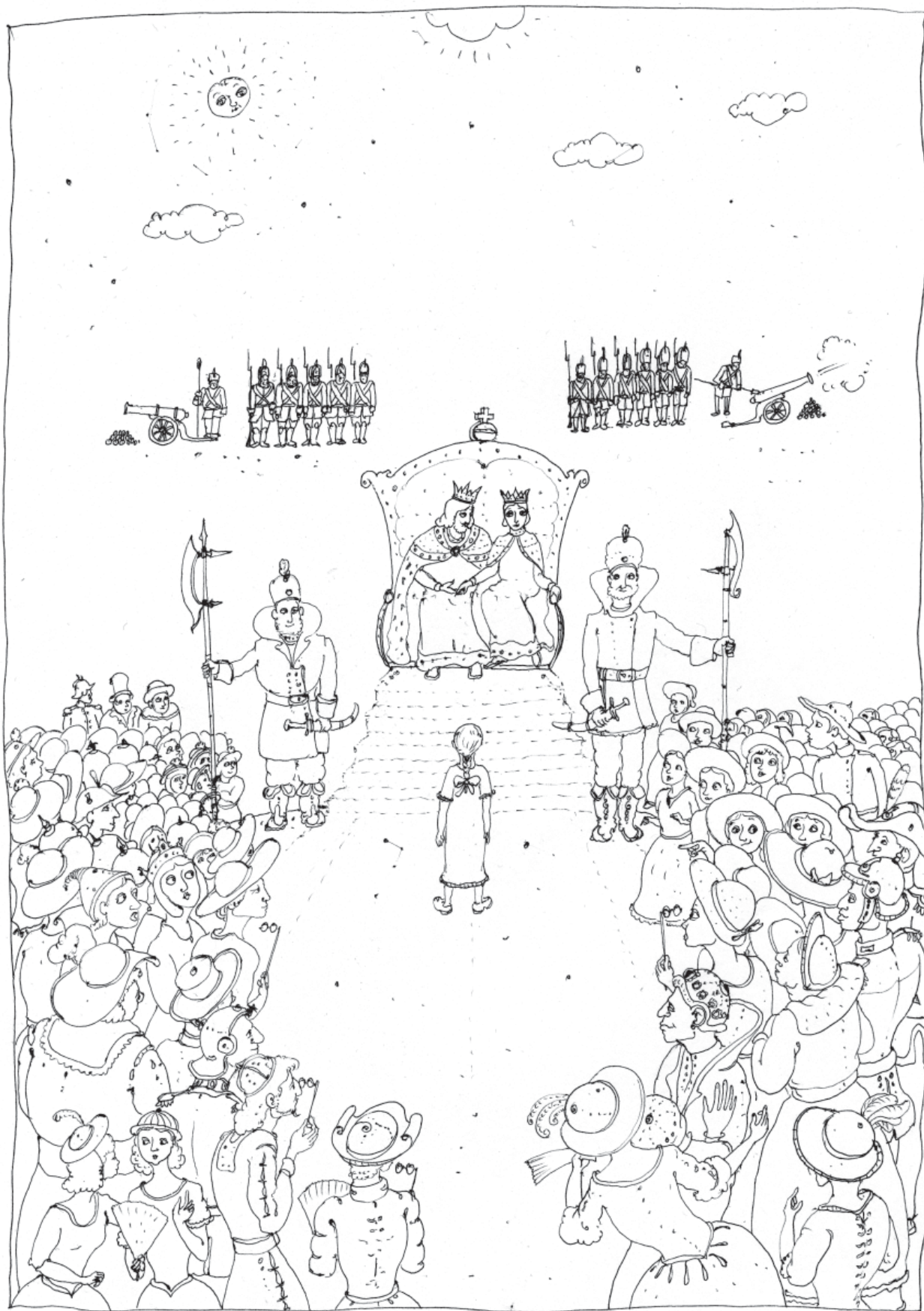
– Вели ему, царь–батюшка, отпустить на волю птицу–орлицу, жену горного орла Бородача, – попросила Паша, чем ещё больше всех поразила.

Просьба была тут же исполнена, а смотритель зоопарка снял с глаза повязку, и все увидели, что его выключенный орлом несколько лет назад глаз теперь был снова на месте.

– Девочка, а почему ты ничего не попросишь лично для себя? – задала ей вопрос царица.

Паша на секунду задумалась, потом сказала:

– То, чего я хочу, к сожалению, невыполнимо.

Царица удивлённо взглянула на своего царствующего супруга.

– Разве в нашем царстве–государстве недостаточно золота–серебра, яхонтов и сапфиров, чтобы удовлетворить любое желание этой девочки? – усмехнулась она. И, повернувшись к Паше, сказала: – Царь исполнил три твоих желания. Я исполню одно, но самое заветное. Так что хорошенько подумай, прежде чем назвать его.

– Я хотела бы... – Паша замялась. – Я бы очень хотела... – смутилась она. – Я бы больше всего на свете хотела ... – Тут у неё из глаз закапали слёзы.

Царь с царицей, придворные, сановники и министры, князья и графья, царевичи и королевичи, фрейлины и пажи, а также столпившиеся у всех дверей служанки, постельничьи, горничные и повара, все–все–все–все замерли в ожидании. Чего же хочет эта маленькая девочка, проделавшая такой невысказанно длинный и тяжёлый, – да что там – просто героический путь?

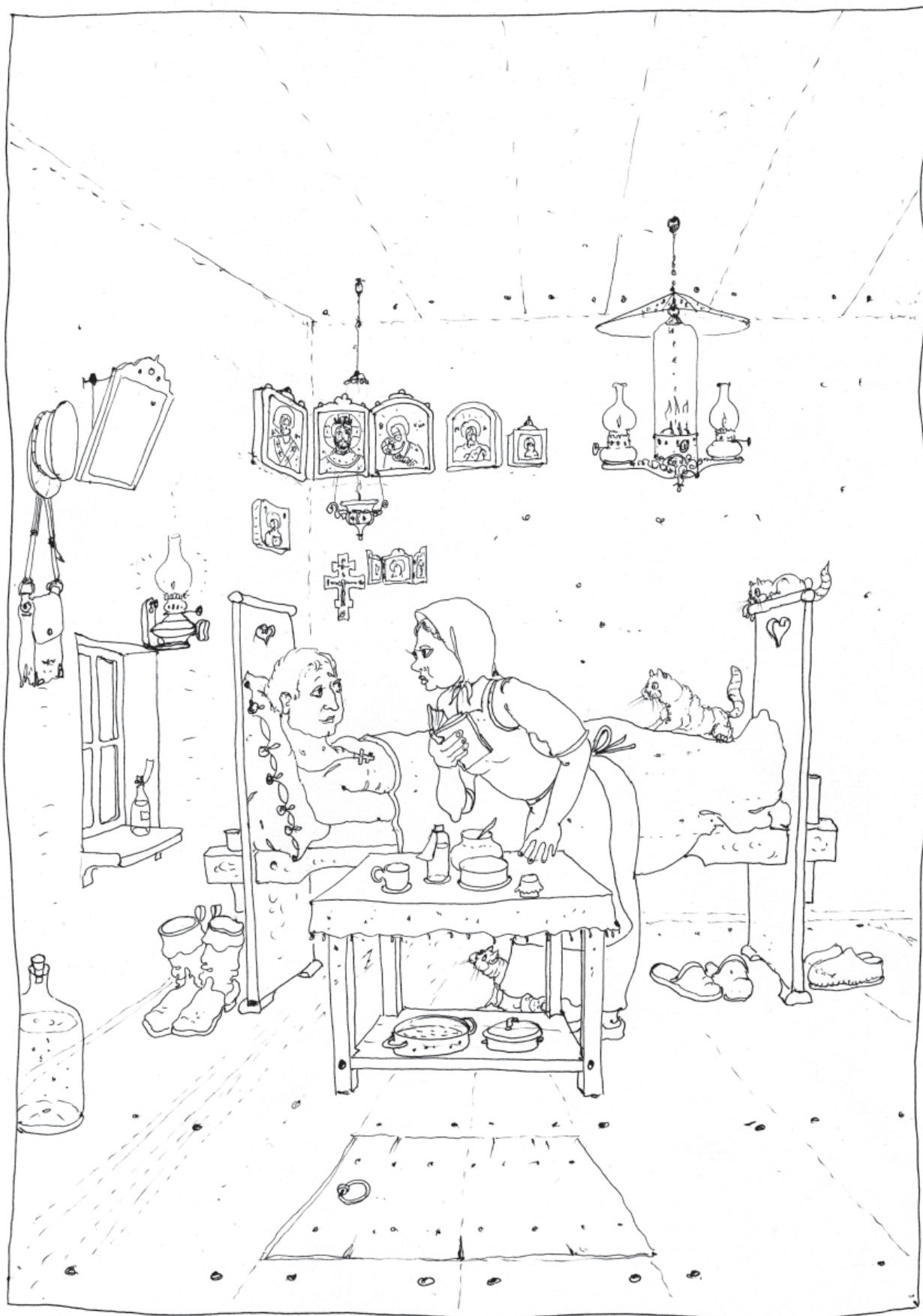
– Я невыносимо и невообразимо... неудержимо и непостижимо... хочу когда–нибудь... хоть на денёк, хоть на часок... хоть навсегда – вернуться снова в Ишим! – вымолвила, наконец, Паша.

И вся царская свита, слуги и прислужники, и сам царь с царицей – все одновременно схватились за головы, закатили глаза под лоб и загоготали, словно гуси:

– Га–га–га–га–га!

Паша подняла на них удивлённый взгляд – и вместо царя с царицей, и царедворцев, и золотых канделябров, украшавших стены дворца, увидела склонённые над нею растерянные лица папеньки и маменьки. За окном сияло утреннее весеннее солнце и доносилось гусиное гоготание, а сама Паша, свернувшись калачиком, лежала на своей застеленной кровати в той самой позе, в какой она присела перед дальней дорогой, да так и уснула, очутившись в сказке.

Но самое удивительное в этой истории то, что, став совершеннолетней, Паша всё ж таки выпросила у папеньки благословение и в самом деле, теперь уже наяву, а не во сне, отправилась пешком к царю–батюшке и вымолила у него прощение папеньки. Почти год добиралась она из городка Ишима до Санкт–Петербурга. И в лесу под ёлкой замерзала, и в стогу сена ночь коротала. Встречались ей и добрые люди, и разбойники. Но самый отъявленный душегуб или беглый каторжник не посмели обидеть её.

Врачи успели спасти жизнь Пашиному отцу, и все они – маменька, папенька и Паша счастливо жили в своём родном городе.

Приезжая в Петербург и гуляя по набережным, они часто останавливались возле крошечного памятника чижику, установленному на Фонтанке. И папа уверял, что это тот самый чижики, который вылетел из его шляпы – мол, сам царь, личным своим указом, велел изваять его, чтобы навсегда запечатлеть в памяти подданных эту удивительную историю, случившуюся во времена его правления. Папа, конечно, сильно рисковал снова впасть в немилость. Ведь получалось, что ничего более достопримечательного, чем полёт чижики над головой царя-батюшки за время его царствования не произошло. Слава Богу, папа дожил до тех славных дней, когда царь одержал блистательную, историческую победу над Наполеоном в 1812 году. И тогда он изменил своё мнение о нём.

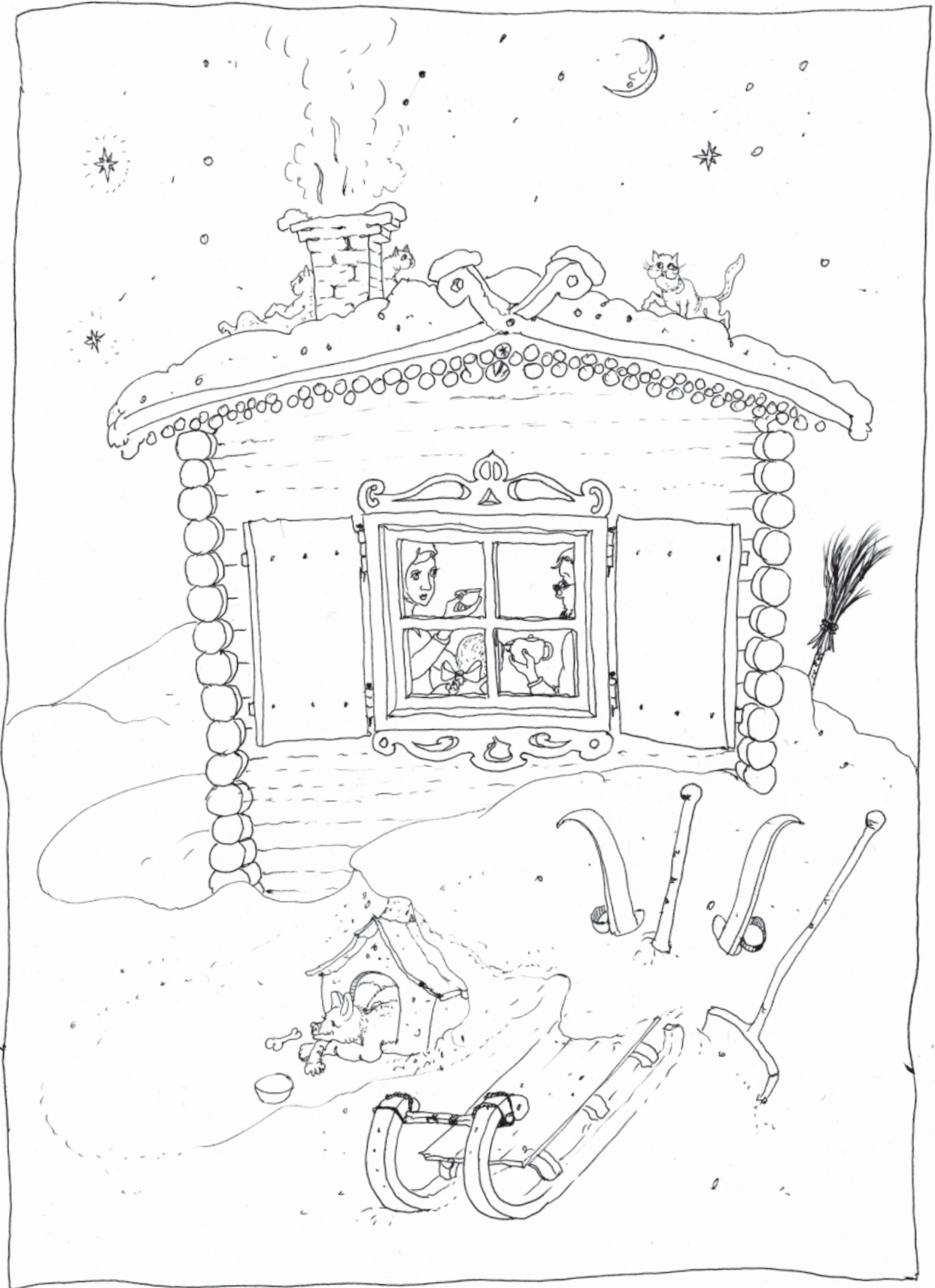
А жители города Ишима, по достоинству оценив поступок Паши, твёрдость её характера и безграничную любовь к родителям, поставили ей памятник – не царский, а народный – на одной из площадей Ишима, на родине великого поэта-сказочника Ершова, автора всемирно известного «Конька-Горбунка».

Вот и сбылось самое заветное Пашино желание – снова вернуться в Ишим. Не обманула её царица!

Взрослой и целеустремлённой девушкой, с образом Богоматери на груди и посохом в руке изобразил её замечательный скульптор Вячеслав Клыков. Твёрдой широкой поступью шагает она по земле Русской в поисках справедливости. Ох, и долго же ей искать её!..

О Паше написаны романы, поэты воспели её в своих одах и балладах. Лишь в сказку до сих пор никто не догадался пригласить её, как Золушку на бал. Может быть, потому, что у неё не было бального платья и хрустальных башмачков? Так ведь в них от Сибири до Петербурга пешком не дойдёшь!

Юрий Ильич ХАРЛАМОВ
Девочка и царь

(Библиотека детского журнала «Конёк-Горбунок»)

Графика – Рудольф Симанов.

Вёрстка, оформление – Геннадий Крамор.

Координатор проекта – Надежда Проскурякова.

Издатель – Культурный центр П.П.Ершова

627750, Тюменская обл., г. Ишим, ул. Советская, 30, т./ф. (34551) 2-31-41.

электронная версия – www.ershov.ishimkultura.ru